

Т. В. Строева. Кафедра была довольно многочисленная. Иностранными языками занимались не только слушатели, но и постоянный состав в порядке командирской учебы. Знакомство с новой зарубежной техникой, поступавшей к нам на вооружение, требовало знания иностранных языков. Так, для того чтобы грамотно эксплуатировать самолеты «аэробра», «харрикейн», «бостон» и другие, надо было уметь пользоваться их описаниями на английском языке и предусмотреть вероятность того, что бортиженеру придется это делать в боевых условиях. Занимались все очень серьезно. Мы же старались отобрать новый материал так, чтобы дать все самое необходимое. Много работали со специальной технической литературой, много переводили.

Кафедра радиотехники уже с начала войны стала преподавать слушателям основы совершенно новой тогда радиолокационной техники, одновременно совершенствуя ее, и в результате сыграла важнейшую роль в создании радиолокационной защиты страны.

Слушатели нашей академии жили на казарменном положении, занимались по 8 часов в день с преподавателями и по 6 часов самостоятельно. Никогда ни до, ни после у меня не было такой серьезной аудитории. Очень хочется, чтобы нынешняя студенческая молодежь хоть немножко походила на тех ребят. Понимая, как они нужны фронту, они всеми силами старались быстрее освоить программу, чтобы идти защищать Родину.

Сакмара Георгиевна Ильенко — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАО. Заслуженный деятель науки РФ. Почетный доктор Кошицкого университета (Словакия).

В РГПУ (ЛГПИ) им. А. И. Герцена работает с 1951 г. С 1970 по 1986 г. — заведующая кафедрой русского языка. С 1953 по 1956 г. и с 1966 по 1969 г. — декан факультета русского языка и литературы. С 1965 г. — профессор кафедры русского языка.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медалью Пушкина, нагрудными знаками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник народного просвещения Узбекской ССР».

Основатель научно-педагогической школы по функциональному синтаксису. Руководитель основного научного направления «Система и функции в русском языке и русской речи». Научные исследования посвящены грамматике современного русского языка, проблемам текстообразования, современной языковой ситуации.

Опубликовано 140 научных работ. Подготовила более 10 докторов и более 40 кандидатов наук.

*С. Г. Ильенко,
профессор кафедры русского языка*

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Последние воспоминания детства

— Я родилась в 1923 году в Москве, где мы прожили около трех лет. Мы много путешествовали по России — побывали в Орле, в Смоленске, в Иркутске, в Твери. В Иркутске я окончила начальную школу, а в Твери, где мы подзадержались, — среднюю. Каждый раз, когда родители переезжали, меня подбрасывали к любимой бабушке в Москву, и я жила там то два, то три месяца. Уже когда мы жили в Твери — на праздники и на каникулы я продолжала ездить к бабушке.

И в семье было решено, что я поеду учиться в Москву, в Институт философии, литературы и истории. (В какой-то период гуманитарные факультеты МГУ выделились в отдельный институт, ИФЛИ, который располагался в Сокольниках.)

— *Как Вы решили стать филологом? И существует ли какой-то «педагогический ген»?*

— Какая-то наследственная предрасположенность, по-видимому, существует. Сколько я себя помню, я играла в учительницу. Сначала — просто с куклами. Потом, в четвертом классе, я занималась с первоклассниками. В те времена в школе широко практиковалась помощь хороших учеников отстающим. И в старших классах я помогала отстающим по русскому языку, по математике. Помню двух мальчишек из пятого класса, которые приходили ко мне заниматься математикой: я должна была их подтянуть, чтобы они с двойки хоть как-то перескочили на тройку...

В школе я была отличницей и все-таки из всех предметов больше всего любила историю и литературу.

— *Почему же все-таки не история, а филология?*

— Моя мать всегда была связана с книгой. Когда мы жили в Твери (город тогда назывался Калинин), она работала в библиотеке областной газеты (называвшейся, очень в духе времени, «Пролетарская правда»). В этой газете тогда же работал Борис Николаевич Полевой, автор «Повести о настоящем человеке».

За те шесть лет, что мы прожили в Калинин, моей матери удалось скомплектовать удивительную библиотеку. Она общалась с букинистами, со старожилами-интеллигентами, у которых покупала редкие книги.

Характерный штрих того времени: мама была любительницей книг, но считала, что дома нужно иметь только самые любимые — и еще поэзию. За всем остальным нужно ходить в библиотеку. Готовить уроки — в библиотеку, писать сочинение — в библиотеку... Бабушка из Москвы, правда, подарила мне собрания сочинений Пушкина, Толстого, Тургенева...

Видимо, меня все-таки окончательно покорила книга, и я решила, что пойду на филологический, причем скорее на литературоведение, чем на русский язык, — русский язык возник уже в Герценовском институте, под влиянием личности Надежды Павловны Гринковой.

18 июня 1941 года у нас в школе был выпускной бал, а 22 июня началась война. Почти все наши мальчики погибли. Они ведь были совсем не готовы к войне. Из тех, кто родился в 1922, 1923 и 1924 годах и пошел на войну, остались в живых немногие.

Хотя началась война, я поехала в Москву поступать в ИФЛИ. Поскольку у меня был золотой аттестат (аттестат с золотой каемочкой, в отличие от обычного, с черной; медалей за все пятерки тогда еще не давали), мне нужно было пройти только собеседование. Деканом факультета был в то время Гудзий, а собеседование проводили разные профессора, и очень по-разному. Кто-то спрашивал только по текстам: где родилась Мария Болконская (в романе лишь однажды упоминается, что она родилась в Кишиневе), как звали Савельича (ну, это уже легче: Архип), и так далее...

Собеседование сдавали по группам, в течение нескольких дней. Я увидела ребят, гораздо более подготовленных, чем я. Большинство — мальчики-очкарики: вечно читали книги под партой... Один мальчик особенно блистал своими знаниями, и когда его о чем-то спрашивали, он всегда знал ответ... Но когда он вышел после собеседования, то был весьма смущен. Его спросили, кого он знает из выпускников лицея — соучеников великого поэта? Как человек начитанный, он перечислил тех, кто есть в стихотворении «19 октября» (1825): Пушина, Дельвига, Горчакова, Кюхельбекера, Матюшкина. Потом

он еще вспомнил Малиновского, сына первого директора лицея... «И только?» — спросили его.

Под впечатлением от этого рассказа я отправилась к мужу моей тетки, дяде Николаю, который был в то время заведующим отделом рукописей и редкой книги в Ленинской библиотеке. «Я должна знать всех лицеистов», — сказала я дяде Николаю. Он позвонил, и мне принесли толстую книгу Гастфрейнда, дотошного немца, о первом выпуске лицея. Неимоверно скучная книга. О каждом из лицеистов там было все, что только можно собрать: генеалогия, состояние и имя, где что находится, и так далее... Читать это подряд, особенно в 17 лет, почти невозможно. Сейчас бы я, наверное, уже не вернулась к этой книге, — настолько она убила меня тогда. Я просидела над Гастфрейндом целый день, выписала всех двадцать девять лицеистов, выяснила, что тридцатого, некоего Гурьева, отчислили из лицея за безнравственность...

Разумеется, про лицеистов меня никто не спросил. Но, кажется, я и сейчас еще помню имена почти всех...

— *А о чем же спросили на собеседовании Вас?*

— Меня спросили о юбилее Пушкина (столетие со дня смерти широко отмечалось в 1937 году).

Надо сказать, в Твери у нас была очень хорошая учительница русского языка и литературы, Евгения Николаевна Власова. Будучи студенткой, в журнале «Русский язык в школе» я обнаружила статью о ней и ее разработки. Она была из очень творческих учителей.

В юбилейный год, когда я была в седьмом классе, мы в течение всего года все вместе готовили Пушкинский вечер. Кто-то рисовал пригласительные билеты, те, у кого были музыкальные способности, пели, кто-то разыгрывал сцену у фонтана из «Бориса Годунова»... Мне досталась роль ведущей этого мероприятия, называвшегося «Жизнь и творчество А. С. Пушкина»... Выглядело это так: мой рассказ, например, доходил до Михайловской ссылки — делался перерыв, появлялась сцена у фонтана...

Со всей юношеской наивностью я стала рассказывать о нашем празднике, который был таким замечательным... Слушали меня не без интереса, хотя и ожидали, очевидно, совсем другого...

Я знала дореволюционные издания Пушкина и комментарии к ним. Знала советские работы о Пушкине, но не знала зарубежных. Я не осознавала, что в разные времена и в разных странах Пушкин становился идеологическим символом. В СССР он превращался в большевика, в отчаянного революционера, отождествлялся с декабристами — причем эволюция пушкинского творчества не учитывалась: лишь бы доказать, что, как писал в своем сочинении один абитуриент, «Пушкин был предтеча большевизма»... Все это проникло и в литературоведение, хотя против этого и устояли Б. В. Томашевский, Г. О. Винокур, Д. Д. Благой, М. А. Цявловский — да и им иногда приходилось «грешить»...

Несмотря на мою наивность, мне все же сказали: «Можете считать, что вы прошли собеседование».

Война

Сразу после собеседования у меня был тяжелый приступ аппендицита. Это очень испугало мою маму: «Учись-ка ты лучше в Калининском педагогическом», — сказала она, — и в сентябре я пошла на занятия в Калининский педагогический институт. Я даже пошла на курсы медсестер, но уже в середине октября 1941 года Калинин был взят. Я помню, как мама пришла из редакции и сказала, что сегодня ночью нужно уходить, потому что завтра будет поздно: наши войска отступают.

Отец в это время был где-то на окопах: строил укрепления. Нас было трое: мама, я и наша домработница Аннушка. Надо сказать, что до войны во многих интеллигентных семьях, отнюдь не зажиточных, были домработницы: их труд был довольно дешев. Быт был не тот, что теперь, особенно в провинциальных городах, где нужно было топить печь, ходить за водой...

Мы собрали какой-то узел, очень нелепый, вышли из дома в четыре часа ночи и километров двадцать шли по шоссе, пока нас не подобрала редакционная машина. Мы были до того растеряны, что не сообразили даже самых примитивных вещей. У нас были очень хорошие альбомы со старинными фотографиями — кожаные, с пряжками, — и мама сказала: «Ну как же мы их понесем?» Аннушка, домработница, побежала и спрятала альбомы в дровяном сарае. Конечно, потом это все сожгли... Вынуть и забрать хотя бы некоторые фотографии не пришлось тогда в голову.

Было принято решение о том, что «Пролетарская правда» будет издаваться до тех пор, пока существует Калининская область. Мы ездили из города в город и выпускали где номер, где два. Но в газете не было корректора. И Борис Николаевич Полевой, который часто встречал меня в библиотеке, сказал редактору: «А вот Сакмара — она же отлично кончила десятилетку, пусть она и будет корректором!..»

Одно дело получить пятерку по русскому языку в аттестат, и совсем другое дело быть корректором, но выхода не было. Редактор был очень строгим, требовательным, и я боялась его как огня. Помню, как мне снились опечатки, которые я пропускаю...

Когда Калининская область была почти полностью занята немцами, редакцию выпустили. Большинство мужчин поехали корреспондентами на фронт, а женщины должны были устраиваться кто как может. Это было в Кимрах, на Волге, и мама решила, что нужно садиться на баржу и плыть в Нижний Новгород, где было много родственников.

Мы плыли, плыли медленно и долго, и доплыли до Нижнего Новгорода. Это было поздней осенью.

— *Вы пошли учиться?*

— Я перевелась из Калининского в Горьковский пединститут и проучилась там до весны.

В марте 1942 года был комсомольский призыв девушек в армию. К нам приехал некто Кочемасов, секретарь горкома комсомола. Помню, что половина девушек не столько слушала его патриотические речи, сколько смотрела на этого довольно интересного молодого человека в кожаной тужурке...

Так или иначе, в марте 1942 года мы пошли добровольцами в армию. Думали, нас сразу же направят на фронт. Но нас сначала привезли в школу, где мы проходили строевую подготовку, учились стрелять, знакомились с уставом... Потом пришло распоряжение направить нас в части противовоздушной обороны.

Части ПВО были во всех больших городах, подвергавшихся массированным бомбардировкам. Были они и в Нижнем Новгороде — этот промышленный город очень сильно обстреливался. В ПВО были различные подразделения: артиллерия, прожекторы, связисты. Я попала в связисты и пробыла в армии до конца войны.

Моя военная жизнь, конечно, не сравнится с военной жизнью моего мужа, Л. М. Гольденберга, ставшего впоследствии профессором Института связи им. М. Бонч-Бруевича. В войну мой муж тоже был связистом — он был и под Сталинградом, и на Курской дуге, и форсировал Днепр... Настоящие фронтовики расшифровывали ПВО так: «пока воевать обождем».

И все же верно, что у войны — не женское лицо... Хотя фактически мы подвергались опасности не больше, чем обычные горожане, но сейчас я почти не представляю, как

я, например, могла лишь с помощью «когтей» забраться на телеграфный столб, чтобы соединить провода, — а ведь могла и не только это...

Сначала я была в прожекторном полку. Часто мы должны были подниматься на вышки с командиром. Мы знали все силуэты немецких самолетов во всех ракурсах, должны были распознавать их и докладывать: «В таком-то направлении появился “мессершмитт”...» Затем командир полка отдавал команду, которую мы должны были передать: какому подразделению вступать в действие. Это тяжело, потому что ошибиться нельзя.

Из части ПВО под Горьким меня, как грамотную девушку с хорошим почерком, перевели: я продолжала служить уже при штабе ПВО в Горьком. В штабе у меня была работа менее напряженная в физическом отношении, но очень напряженная во всех других... У войны не женское лицо — из-за того, что с женской психикой происходит что-то не то, что происходит с мужской во время войны...

В штабе полка мне пришлось принимать телефонограмму о своей однокурснице Любе Барсовой — мы вместе учились на факультете русского языка и литературы. Я получила телефонограмму, которую должна была немедленно передать командиру полка: Люба Барсова покончила с собой.

Артиллерийские и прожекторные точки были рассеяны вокруг Горького. В каждом расчете — одиннадцать человек: старшина и десять девочек, у каждой свой номер. Во время налета все занимают свои позиции, чтобы прожекторами поймать вражеский самолет. Расчеты стоят в поле, кругом зима, иногда волки воют.

Люба была славная, без каких-либо странностей девушка. И вот она вышла, сняла обувь, поставила под грудь винтовку и нажала на курок...

Это был не единственный случай. Другая девушка у нас в части пыталась покончить с собой, но лишь легко себя ранила и осталась жива. Ее судил трибунал. Суд был открытый. Помню, как председательствующий спрашивал ее: «Старшина к тебе приставал?» А она отвечала: «Да, приставал. Он говорил мне “Ах ты, чадо мое, чадо!”» Это была простая крестьянская девушка, она не знала слова «чадо»... В конце концов ее приговорили к отправке в штрафной батальон. Дальнейшей ее судьбы я не знаю, но штрафной батальон — это была почти верная смерть. Лишь единицам удавалось пройти штрафбат и остаться в живых. Среди таких счастливиц оказался и мой однокурсник, живущий сейчас в Новосибирске профессор А. Н. Федоров.

— *Что стало с Вашим отцом?*

— Отец нашел нас с мамой в Горьком, у родных. Он еще успел проводить меня в армию. Вспоминаю, как он помогал девушкам забираться в грузовики... Ему тоже пришла повестка в армию, но вскоре после этого он умер: он был уже серьезно болен.

О городе и об эпохе

— *Как Вы попали в Ленинград? Какое впечатление произвел на Вас город?*

— В 1946 году я перевелась в Герценовский педагогический институт. Мне говорили тогда: «Ах, вы с фронта! Так у вас, получается, три года потеряны...» Но я не считаю, что эти годы были «потеряны»... У человека обязательно должно быть что-то за плечами — то, о чем можно сказать: «Я смог, я сделал это». За что не было бы стыдно.

Ленинград 1946 года, конечно, отличался от сегодняшнего Петербурга... Но все-таки была Стрелка Васильевского острова, были мосты, были набережные... Е. Г. Эткинд говорил: «Рим — это Италия, Париж — это Франция, Берлин — это Германия, а Петербург — это Европа». И это действительно так. Петербург поражает своим европейским космополитизмом.

— Почему в Герценовском институте Вы стали заниматься лингвистикой, а не литературоведением?

— Отчасти из-за того, что я попала под обаяние личности Надежды Павловны Гринковой. Она читала нам лекции по истории языка и вела семинар по «Слову о полку Игореве». В аспирантуру меня приглашали сразу на три кафедры, но я все-таки предпочла кафедру русского языка.

В те времена довольно распространены были публичные диспуты между учеными. Мне довелось присутствовать на диспуте о Достоевском. Декан факультета В. П. Друзин, ставший редактором журнала «Звезда» после знаменитого ждановского постановления, «разоблачавшего», в частности, Зощенко и Ахматову, организовал диспут между профессором А. С. Долининым и «чиновником от литературы» В. В. Ермиловым. Диспут был превращен в идеологический разгром глубокого и тонкого исследователя Достоевского Аркадия Семеновича Долинина. Примечательно, что студенты поддержали Долинина... Подобные «диспуты» подавляли желание заниматься литературоведением. Не хотелось оказаться в сугубо идеологическом пространстве. У Н. П. Гринковой я стала заниматься языком художественной литературы. Моя кандидатская диссертация была посвящена стилю автобиографической трилогии М. Горького. Но и от этой проблематики я ушла, пытаясь найти в языкознании нишу, наиболее объективизированную, вне субъективистских представлений. Случилось это так. В 50-е годы в «Вопросах литературы» появилась статья Поляк, в которой резко критиковались лингвистические работы, посвященные языку писателя. Был выхвачен фрагмент из моей статьи, который вне контекста, действительно, выглядел по-дурацки. Эпиграфом же к этой статье, критиковавшей языковедов, были слова Твардовского: «Не боги горшки обжигают, но мастера». Меня это больно задело. Все-таки хотелось быть мастером... И тогда я решила: все, буду заниматься грамматикой. Здесь, как мне по наивности казалось, гораздо больше объективных критериев, подходов и оценок. Только со временем начинаешь понимать, что занятия наукой требуют терпения и мужества.

В начале 1960-х годов у нас на кафедре почти никто не занимался современным русским языком. Это было неprestижно. Все занимались главным образом историей языка, диалектологией, общим языкознанием. Когда было решено, что я стану заниматься современным русским языком, все преподаватели подходили ко мне и выражали свое сочувствие — это воспринималось как какая-то «лингвистическая ссылка»...

Что значит быть настоящим лингвистом?

— Как Вам кажется, что значит быть настоящим лингвистом сегодня?

— Исходя из моего «лингвистического воспитания», скажу, что настоящий лингвист должен обладать по-настоящему хорошим знанием истории языка, которым он занимается. Он не должен барахтаться в одном-единственном языке. Скажем, если это русский язык — необходимо знать по крайней мере какие-то славянские языки. Представить себе прежнее поколение языковедов без этого невозможно.

— Вам кажется, это был золотой век языкознания?

— В отношении сравнительно-исторических исследований — да. Однако надо признать, что в отношении метода в ту эпоху, вплоть до последней трети века, господствовала практически сплошная описательность. Теорией занимались лишь единицы: Востоков, Потемня, Шахматов, Щерба... Вспоминается «Именное склонение» Обнорского — толстенная книга, в которой все подробнейшим образом собрано, но очень не хватает теоретического воздуха.

Теория по-настоящему возрождается к концу XX века. Хотя и до этого были, конечно, исключения. Например, Вячеслав Всеволодович Иванов. Идеальный языковед — в том смысле, что в его исследовательском распоряжении — до сотни языков. На нескольких он может свободно изъясняться и оперирует фактами из еще нескольких десятков.

Сейчас совсем немного настоящих русистов. Особняком стоит фигура Александра Владимировича Бондарко.

— *От каких опасностей хотели бы Вы предостеречь молодых коллег?*

— От тех же опасностей, что грозили всегда. От замкнутости в своей скорлупе: «Русский язык — так больше ничего и не надо!», а кроме того, от пренебрежения материалом. С развитием компьютерных технологий, с увеличением скорости нашей жизни мы подчас становимся менее требовательны к самим себе. Хочется предостеречь и от самоуспокоенности, самодовольства.

*Интервью записал и подготовил к печати В. В. Хохлаков,
аспирант Института лингвистических исследований РАН,
выпускник филологического факультета
РГПУ им. А. И. Герцена 2007 г.*

Петр Александрович Кудин — доктор искусствоведения, профессор, член Союза архитекторов и Союза художников РФ.

В РГПУ (ЛГПИ) им. А. И. Герцена работает с 1980 г. В 1984—1987 гг. — заведующий кафедрой живописи. В настоящее время профессор кафедры рисунка.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и десятью медалями, в их числе «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Отечественная война 1944—1945» (Болгария). Удостоен нагрудных знаков «Фронтовик 1941—1945», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Научные исследования посвящены теории композиции в изобразительном искусстве.

*П. А. Кудин,
профессор кафедры живописи*

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

В молодые годы я мечтал поступить в Ленинградское художественное (Таврическое) училище. Но мои родственники решили иначе и определили меня в 7-ю специальную артиллерийскую школу, находящуюся на Петроградской стороне. Уже в военном лагере (близ артиллерийского полигона г. Луги) я и встретил начало Великой Отечественной войны. Немецкие войска приближались к Ленинграду, и нас, шестнадцатилетних «артиллеристов», определили вместе с воспитателями детских садов и учителями школ эвакуировать детей из уже почти осажденного города. На Московском вокзале в нашу задачу — молодых людей в военной форме — входило ограждать железнодорожные эшелоны, увозившие детей в эвакуацию, от рыдающих матерей, не желающих расставаться с детьми. Материнские сердца как будто чувствовали, что уже недалеко от города значительная часть эшелонов с детьми будет разбита гитлеровской авиацией, несмотря на охранные международные символы красного креста и полумесяца.